

OLGA DEMIDOWA

Российский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
ord55@mail.ru

Писатели-эмигранты второй волны в американских письмах Нины Берберовой

Эпистолярный корпус, на котором основана статья, хранится в собрании Бориса Зайцева Бахметевского архива Колумбийского университета. В состав корпуса входят сорок два письма конца 1930-х–середины 1960-х годов, адресованных Вере и Борису Зайцевым и написанных из Франции, Швеции и Соединенных Штатов¹. Общее число американских писем это двадцать шесть, первое из них датировано 16 ноября 1950 г., последнее — 17 мая 1961 г.

Хорошо известно, что переезду Нины Берберовой в Америку и устройству ее на новом месте едва ли не более всех способствовала Мария Цетлина. Именно в ее нью-йоркском салоне (по существу — квартире в несколько комнат, которую она снимала в гостинице) произошла первая встреча Берберовой с писателями-эмигрантами второй волны. В известной книге Берберовой *Курсив мой* этому событию посвящен следующий совершенно безоценочный пассаж:

Р.Б. Гуль привез меня с парохода прямо к ней. С первого же вечера я оказалась среди людей, пришедших посмотреть на меня, — старых знакомых, новых знакомых, русских американцев, американских американцев и, как я сама, недавно приехавших из Европы — старых

¹ Письма хранятся в четырех папках; в первой — пять недатированных или не полностью датированных автором (иногда предполагаемая дата вписана рукой Бориса Зайцева) писем из Франции и США конца 1930-х–середины 1960-х гг.; во второй — семь датированных писем из Лонгшена, Парижа, Стокгольма и Хеммаре 1940-х гг.; в третьей — тринадцать датированных писем из Парижа и Нью-Йорка первой половины 1950-х гг. и две датированные открытки (от 12 сентября и 10 ноября 1950 г.) из Парижа и с борта парохода, на котором Берберова плыла в Нью-Йорк; в четвертой — пятнадцать датированных писем из Нью-Йорка 1954–1961 гг. Фрагменты писем печатаются по разрешению архива с сохранением авторской лексики, орфографии и пунктуации.

эмигрантов, новых эмигрантов и «перемещенных лиц» — жителей Польши, Чехословакии, Шанхая, Прибалтики — русского происхождения. [...] Здесь я познакомилась с пианистами В.Л. Пастуховым, Н. Орловым, Г. Кочевецким, с поэтами Иваном Елагиным и О. Анстей, с прозаиком С. Максимовым, с художником Н. Николенко и его женой, с другим Елагиным, автором *Укрощения искусств*, с Б.А. Филипповым².

В письме от 16 ноября в едином ряду тех «старых» и «новых», кого встретила Берберова в первые дни нью-йоркской жизни, из «новых» упоминаются лишь пианист Пастухов и прозаик Максимов, причем последнему дается подчеркнуто насмешливо-снисходительная, хотя и достаточно мягкая оценка:

Познакомилась с Максимовым. У него семейная драма, его «Олюшка» бросила его, ибо он отчаянный забубенный пьяница и «эль ан авэ ассэ», как говорят у Вас. Он пьет горькую, очень милый, напоминает поведением и даже обликом Есенина, но т.к. я не Дункан, то боюсь, ничем не смогу ему помочь.

В письме от 12 декабря 1951 г. — первая общая характеристика литераторов второй волны, представленных в сопоставлении с литераторами волны первой, к которой, как явствует из ряда имен, Берберова причисляет исключительно перебравшихся за океан парижан:

Были гости. Ди-пи (литераторы) пели хором каторжные песни, а старые эмигранты (Варшавский, Кодрянские, я, Яновский) — говорили о возвышенном. У Мар[ии] Сам[ойловны] продолжают понедельники, на кот[орых] старых все меньше, а новых все больше, но пока еще хором не поют. Стараемся не допускать. Здесь тьма народу, «элиты» новой, но мало с кем схожусь, больше с американцами или старыми русскими.

При всей ироничности и подчеркнутой легкости тона, цитированный фрагмент весьма значим концептуально: в нем намечено то представление Берберовой о расстановке сил в послевоенном эмигрантском универсуме и его структурно-функциональной динамике, которое будет приобретать все более отчетливое выражение в последующих письмах и затем — в *Курсиве*. В самом общем (слегка огрубленном) виде оно сводимо к следующей формуле: «новые», т.е. советские, такие, какие они есть (какими их сделала жизнь при советской власти), так хорошо прижились и почти обречены на процветание в русском Нью-Йорке именно потому, что американская ветвь диаспоры такова, какова она есть. Именно поэтому «старые» (парижская эмиграция) приживаются в ней трудно и почти обречены на вымирание.

Вполне естественно, что фоном всех дальнейших упоминаний литераторов второй волны, эксплицированным или подразумеваемым и легко вычитываемым из вербально-бытового контекста, неизменно будут литераторы волны первой (читай: парижской или, по крайней мере, европейской), с которыми «новые» сопоставляются, а основным механизмом сопоставления станет механизм «от противного». Тональность описаний с течением

² Н. Берберова, *Курсив мой. Автобиография*, Москва 1996, с. 556 (далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в скобках).

времени будет меняться, становясь все более жесткой, но принцип и ракурс видения останутся прежними. Даже при первом упоминании о Георгии Кочевницком, который через год станет ее третьим мужем³, Берберова выдерживает этот принцип: «Новый эмигрант, но совсем особенный, вроде нас с тобой, а не вроде Корякова» (письмо Зайцевой от 21 сентября 1953 г.). И повторяет это сопоставление-противопоставление в письме тому же корреспонденту от 3 декабря 1955 г., сообщая о предстоящем визите Кочевницкого в Париж и предваряя знакомство Зайцевых с ним: «Он вам понравится. Он уютный, культурный и приятный человек и совершенно не похож на нового советского хомуса».

В целом эпистолярные фрагменты, содержащие упоминания о писателях второй волны, отчетливо подразделяются на три типа: а) характеристики «новых» литераторов как единой социально-культурной группы; персональные характеристики некоторых из них — «элиты», как презрительно называет их Берберова (при этом в каждом случае подчеркивается типичность того или иного персонажа как представителя этой группы); б) бытийные и в) литературно-бытовые коллизии, в которых оказываются так или иначе задействованы писатели ди-пи. Главным образом, это сюжеты, связанные с деятельностью различного рода фондов, как неизменно подчеркивает автор, оказывающих поддержку преимущественно «новым», а также нью-йоркского издательства имени Чехова, печатающего преимущественно их книги, и с американскими государственными учреждениями, охотно принимающими их на службу. О Чеховском издательстве и литературных предпочтениях его сотрудников Берберова язвительно пишет Зайцевой 10 апреля 1952 г.:

Александрова [главный редактор — О.Д.] считает, что нужны только Ди-Пи, — и больше никто. Ремизов же, Зайцев, Бунин — это только благотворительность и они никому не нужны. Так что у меня надежд никаких. Сирина «заставили» взять; если возьмут Газданова, то только потому, что у него дружеские отношения с Вреденом, директором. Яновского не взяли, Варшавского тоже. Зато дипитвоюмать берут даже таких, которые не имеют таланта на волос. Говорю это без горечи, ибо вижу, что «будущая Россия» воистину совершенно не нуждается в нас. И правые, и левые совершенно спокойно приписывают романы Бори — мне, или Шмелеву; мои романы — Ремизову или даже Георгию Иванову.

Самая развернутая и самая нелестная общая характеристика «новых» литераторов представлена в письме Зайцевым от 4 августа 1952 г.:

Нов[ая] эмигр[ация] читает главным образом Краснова и «Сердце Царевича» Бебутовой, кот[орую] видимо переиздадут — жаль, что она не дожила до этого! Вы наверное думаете, что я преувеличиваю и вру, но это так. Приеду и расскажу вам такие истории, от кот[орых] у вас встанут волосы не только на голове, но и на всех местах, где они растут... Вы узнаете, как кончилась русская культура; безнаказанно конечно пройти не может тот факт, что вырезали поколения интеллигенции. Результаты этого мы теперь видим на тех тысячах, кот[орые]

³ См. авторский именной указатель к *Курсиву*: «Мы поженились в сентябре 1954 г. в Нью-Йорке» (с. 664).

оказались в Америке после войны. Перенеситесь мысленно в Каширу, в 1885 год, и вы приблизительно поймете уровень, на кот[ором] живут люди. Крошечная кучка людей, кот[орая] меня здесь окружает, умеющая держать нож и вилку, знающая — хотя бы понаслышке — что «Петербург» Белого довольно замечательная книга и что Саша Черный хуже писал, чем написан «Граф Нулин» эта кучка людей скоро рассыплется прахом, и от нее не останется даже воспоминания. Бодрым шагом в мир идет совсем другое.

Через годы это рассуждение получает завершение в последней главе *Курсива*, в том просторном пассаже, где Берберова, отталкиваясь от сопоставления литераторов, собиравшихся в парижском и нью-йоркском салонах Цетлиной, размышляет о принципиальном отличии нью-йоркской эмиграции от парижской:

Там был прежде всего раздел поколений, затем был раздел политический [...]. Там можно было почувствовать москвича и петербуржца или бывшего столичного жителя и провинциала, человека, прошедшего гражданскую войну, и человека, прошедшего университет. Здесь эти категории не существовали. Здесь дело шло о том: когда ушел из России? В 1920 году? В 1943-м? Когда оказался в Америке? В 1925 году? В 1939-м? В 1950-м? (с. 575–576).

Показательно, что хронологический признак, по которому отделяли себя от «других» американские русские и русские литераторы в том числе, для Берберовой не существен — в тексте осевшие в Америке эмигранты 1920-х, 1930-х, 1940-х и 1950-х гг. последовательно обозначены в едином ряду; то есть, автор объединяет собственно пореволюционных эмигрантов, невозвращенцев межвоенных десятилетий и послевоенных ди-пи литераторов, рассматривая их как единое целое (русских литераторов в Америке) и противопоставляя его другому единому целому — русским литераторам во Франции. Существенным же оказывается совершенно иной признак — открытость к чужой культуре и стремление от нее отгородиться, живя по принципу «у нас в Пензе лучше». Во Франции, как явствует из текста, было значительно больше первых, в Америке — вторых. И причина такого положения дел, по мнению Берберовой, не только в отличии французской культуры от культуры США или различной истории культурных связей России с этими странами, хотя оба эти фактора необходимо учитывать⁴. Главная

⁴ «Во Франции таких было немного, а какие были — в основу жизни на Западе часто клали компромисс: в Пензе *было* лучше, а теперь волей-неволей приходится менять свои интересы и вкусы и меняться самим — Увы! Франция сильнее требовала подчинения себе, часто насильно меняла людей, перерождала их — хочешь, не хочешь — так, что они порой и не замечали этого процесса. Много для этого было причин: была традиция русских европейцев, живших в Париже когда-то; была французская литература, так или иначе вошедшая в сознание даже полуинтеллигента еще в школьные годы; эмигрантские дети, растущие во Франции и приносящие в семью навыки новой страны; и даже у некоторых, у немногих — какие-то воспоминания об отцах и дедах, привозивших отсюда в Россию что-то, чего в Пензе почему-то не было. В Америке дело обстояло совершенно иначе: традиции ездить сюда никогда не было; напора, какой был у Франции, — подчинять своей культуре обосновавшихся в ней русских, у Америки быть не могло; литература (живопись и музыка) была приезжим почти незнакома» (с. 576).

причина — в том, что «круг русских в Нью-Йорке, и „старый”, и „новый”, состоял в большинстве из провинциалов (в Париже было наоборот), и сохранение „пензенской психологии” было среди них в большой силе» (с. 576).

К основополагающим типологическим свойствам натуры литераторов второй волны Берберова относит изворотливость, умение быстро приспособиться к любым ситуациям, беспринципность, безграмотность, нравственную (а нередко и бытовую) нечистоплотность и невероятный практицизм.

Наши, новые эмигранты, Ди-Пи твою мать, говорю об «элите» — странные люди. Коряков «бизнес мэн», много зарабатывает и собственно живет только для себя и семьи. Максимов — с кем поговорит — с тем и согласен. Я считаю «Бушуева» талантливой книгой, но сам он совершенно неинтересен, и, главное, — ни одному слову его верить нельзя. Подлаживается. Его Бог — Горький. Больше он ничего не любит. Не принимайте за чистую монету ничего, что он Вам пишет. Все новые великолепно стоят на ногах. Для них мы — непонятны; они очень безграмотны, не знают ничего, навыки у них странные, вид подчас бывает жуткий. Пьяницы (22 августа 1952 г.).

И через два года:

Всех «новых» устроили на службе американцы, и даже Юрий Елагин (музыкант) бросает оркестр свой, где играл на скрипке и едет в Вашингтон в чиновники, не говоря уже о других, не музыкантах. Неприкаянных говорунов не осталось почти, все обзавелись автомобилями, многие — домами (29 августа 1954 г.).

Более всего персональных упоминаний о Михаиле Корякове и Сергее Максимове, чему были определенные причины. Во-первых, и тот, и другой состояли в переписке с Зайцевыми, и эпистолярные отзывы Берберовой о них вполне очевидно являются опосредованной реакцией на письма «новых» писателей к Зайцеву, о которых и он, и его жена сообщали своей американской корреспондентке. Во-вторых, Зайцев был автором предисловия к роману Корякова *Освобождение души*, изданному в 1952 г. нью-йоркским издательством им. Чехова; а о *Денисе Бушуеве* (1949) Максимова, вышедшем в свет в 1950 г. в издательстве «Посев», отозвался как о «лучшем романе послевоенных лет» (таким же образом отозвались о *Бушуеве* Иван Бунин и Марк Алданов).

Корякову Берберова во всех случаях дает значительно более развернутые и более резкие характеристики, чем Максиму, тональность отзывов о котором от первого до последнего упоминания остается ироничной, но вполне беззлобной; нередко они упоминаются вместе, что делает различие отношения к ним Берберовой еще более очевидным. Максимов впервые упомянут в цитированном выше фрагменте письма от 16 ноября 1950 г. О Корякове речь в первый раз идет в письме Зайцевой от 29 января 1952 г., в котором Берберова создает очень выразительный и вполне негативный портрет этого представителя «новой литературной элиты», основываясь как будто не только и не столько на собственном отношении к нему, сколько на отношении других людей, т.е. используя эмигрантское общественное мнение как

инструмент конструирования облика портретируемого и убеждения тех, для чьего восприятия этот портрет предназначен:

Толстый, лоснящийся от жиру, руки врозь (к телу прижать их уже не может), без шеи, он мне кажется очень талантливым и у меня с ним наилучшие отношения. Но его здесь страшно все не любят. Во-первых, в то время, как люди сидели в лагерях и были внутренними эмигрантами, он был на верхах — этого не прощают. Затем, он до болезни завистлив и плачет настоящими слезами от успехов Рудольфа-Юрасова, кот[орый] ходит в роскошном пальте, в несгибающихся перчатках, от баб отбою нет и т.д. Коряков весь с головой в каких-то «фишках», картотеках, сидит с утра до ночи в Библиотеке и, потев и утирая пот с лица, все что-то ковыряет в каких-то своих коробках — по-моему, в этом нет ничего дурного, я бы с удовольствием тоже ковырялась так, кабы время было, но он вызывает у всех какие-то недружелюбные чувства. Правду скажу: новые друг друга ненавидят куда больше и вообще, конечно, примитивнее в социальных отношениях. У меня с ним не получается разговора — он мне никак не питателен. Говорит, что центр жизни есть БОРИЩ и надо жить так, как его деды жили в Сибири. А бабам вообще не след рассуждать [разрядка автора — О.Д.].

В письме от 29 мая 1953 г. — краткое упоминание о Корякове в одном ряду с Нароковым и Максимовым:

Ершова видела два раза [...] вроде Нарокова (видимо, провинциальный учитель). [...] Корякова не выдаю — отношения прохладные — страшно любит деньги, карьеру, ВСЕ для него — средство (конечно, и религия) — все его раскусили, но он не тужит и продолжает в том же духе. Максимов — молится на Горького, ему бы родиться 50 лет тому назад, был бы Скитальцем. [...] Мне они не питательны.

В письме от 21 сентября 1953 г. она вновь возвращается к характеристике Корякова:

Это не герой моего романа. Если бы ты видела, как он толст! Вроде маршала Жукова. Главное в жизни для него — еда и благополучие. Он мне как-то сказал: «Н[ина] Н[иколаевна], это Ваше поколение все хотело бунтовать. Н а ш е хочет жить, как жили деды — и, главное, никоим образом не бунтовать!» [разрядка автора — О.Д.]. Я ответила: «В таком случае, большевики просидят еще 300 лет, если не будет бунта». Он в ужасе поглядел на меня и после минуты молчания ответил: «Нет, знаете, с Вами невозможно разговаривать. Просто не знаешь, как отвечать».

Наконец, в письме Борису Зайцеву от 29 августа 1954 г. представлен иронический парный портрет Корякова и Максимова:

Коряков (поперек себя шире) хорошо служит. Максимов пьянствует и не платит налогов, за что его хотели посадить куда-то. Но обошлось.

Кроме того, в этом же письме упомянут Михаил Соловьев, автор *Записок военного корреспондента* и *Романа по-американски*, которого «прямо сравнивают с Толстым и Достоевским — чего не довелось пережить Алданову! Соловьев — и Толстой, и Достоевский, но лучше их, потому что в одном лице — оба». Последнее упоминание о Корякове — в письме Зайцевой от 3 декабря 1955 г., в котором имена Корякова и Гуля (с которым Берберова к тому времени рассорилась) поставлены в один ряд и противопоставлены автору: «Гуль, Коряков и мн[огие] др[угие] работают в Амер[ианском] Комитете, куда, слава Богу, я в свое время не попала».

После 1955 г. прямых упоминаний литераторов второй волны в письмах нет, однако неоднократно идет речь об их мюнхенской организации — Центральном объединении послевоенных эмигрантов, в 1957 г. переименованном в Центральное объединение политических эмигрантов, с которым Берберова сотрудничала на протяжении нескольких лет. В письме Зайцеву от 9 декабря 1957 г. она приглашает его участвовать в «толстом и приличном» альманахе, который ЦОПЭ намеревается издавать в следующем году и в котором она является секретарем редакции, членом литературной коллегии и будет «фактически [...] делать главное дело», и повторяет приглашение в письмах от 28 июля 1958 г. и 26 февраля 1959 г. Речь идет о литературно-художественном и общественно-политическом альманахе «Мосты» (Мюнхен, 1958–1970) — одном из первых послевоенных периодических изданий, в пространстве которых представители двух волн попытались найти общий язык. Однако сотрудничество Берберовой в «Мостах» оказалось недолгим: в 1962 г. она вышла из состава редколлегии, вероятно, так и не найдя общего языка с «новыми» эмигрантскими литераторами.

Pisarze drugiej fali emigracji rosyjskiej w amerykańskich listach Niny Berberowej

Streszczenie

Bazę źródłową artykułu stanowią niepublikowane materiały archiwalne, które pozwalają na omówienie niezwykłego fenomenu kulturowego, jakim było zetknięcie się pisarzy rosyjskich pierwszej i drugiej fali emigracji, do którego doszło w USA po zakończeniu drugiej wojny światowej. W listach Niny Berberowej kierowanych z Nowego Yorku do Paryża, do Borisa Zajcewa i jego żony, znajdują się fragmenty, w których autorka zajmuje się porównaniem pisarzy obu fal. Znaleźli się oni na emigracji w różnym czasie i w różnych okolicznościach, co określiło w znacznym stopniu ich przynależność do dwóch krańcowo odmiennych typów kultury (rosyjskiej vs. sowieckiej).

Słowa kluczowe: kultura i literatura emigracyjna, czasopiśmiennictwo emigracyjne, wydawnictwa emigracyjne, droga życiowa, wartości estetyczne i artystyczne.

Second wave Russian émigré writers as presented in Nina Berberova's American letters

Summary

The article, based on unpublished archival material, deals with an important cultural phenomenon, i.e. the actual meeting of first and second wave Russian émigré writers which finally happened in the States after the Second World War. Writing from New York to her former Paris friend Boris Zaitsev and his wife, Nina Berberova juxtaposes the writers of the two waves using a broader frame

of two totally different types of Russian culture (Russian vs Soviet) that eventually found themselves in emigration, even though at different time(s) and under different circumstances.

Keywords: emigration, culture, literature, periodical(s), publishing house(s), way of life, aesthetic and artistic values.